

**ДОВО
О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ**

В иллюстрациях
и документах

СОСТАВИТЕЛЬ
О.А.ПИНИ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д.С.ЛИХАЧЕВА

Государственное Учебно-педагогическое издательство
Министерства просвещения РСФСР
Ленинградское отделение
Ленинград • 1958

БЕССМЕРТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Более семи с половиной веков назад, в 1187 году было создано «Слово о полку Игореве» — величайшее произведение древней русской литературы. Протекшие столетия не приглушили его патриотического звучания и не стерли его ярких красок. Интерес к «Слову о полку Игореве» не только не уменьшился, но становится все более и более широким, все более и более глубоким.

Почему же так долговечно «Слово о полку Игореве», столь небольшое по своим размерам? Почему идеи «Слова» и его художественность продолжают волновать нас и до сих пор? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо всесторонне рассмотреть это произведение.

* * *

Первое издание «Слова о полку Игореве» вышло осенью 1800 г. Рукопись «Слова» была случайно приобретена за несколько лет перед тем известным коллекционером своего времени и любителем русских древностей графом А. И. Мусиным-Пушкиным. Это не был авторский текст XII века, — это была одна из копий с текста «Слова», сделанная уже в XVI веке. Текст «Слова» был переписан писцом XVI века в сборнике древнерусских произведений светского со-

держания. Этот-то сборник и был куплен Мусиным-Пушкиным через комиссионера в числе других рукописей у бывшего архимандрита упраздненного к тому времени Спасо-Ярославского монастыря Иоилья.

Первое издание «Слова» было его вторым рождением. С тех пор появилось огромное количество исследований о «Слове» (сейчас их более 1000, если даже исключить различные небольшие заметки о нем).

После появления в печати «Слово» сыграло выдающуюся роль в развитии национально-патриотической темы в русской литературе. Неслучайно русский поэт Херасков, ознакомившийся со «Словом» еще до его опубликования, описывая херсонесский поход Владимира Святославича во втором издании своей поэмы «Владимир», обратился к Бояну со словами: «Води моим пером, учи играть на лире!» — и в примечании очень кратко сообщил о находке «Слова». Затем о «Слове» несколько более подробно сообщил Карамзин в октябрьской книжке за 1797 г. журнала «Spectateur du Nord», издававшегося французскими эмигрантами в Гамбурге. «Слово» возбудило интерес к изучению древнерусского языка, древнерусской литературы, палеографии, русской истории XI—XII вв. и

народной поэзии. Оно вдохновляло поэтов на создание поэтических переложений. Оно всегда было действительно и никогда не покрывалось музейной пылью.

Рукопись «Слова» сгорела во время московского пожара 1812 г. вместе со всем ценнейшим собранием рукописей графа А. И. Мусина-Пушкина, находившимся в его доме в Москве. Вместе со «Словом» сгорели и другие особенно ценные рукописи — в их числе знаменитая Троицкая летопись начала XV века.

Древняя Русь была еще очень мало изучена в начале XIX в. Не было известно ее замечательное искусство: зодчество, живопись, ювелирное дело. О литературе были самые слабые представления. Неясные представления существовали и о литературном языке древней Руси. Естественно, что, когда было открыто «Слово о полку Игореве», раздались голоса скептиков, не веривших в то, что в XII веке могло появиться такое замечательное произведение. Эти голоса были тем более громки, что в начале XIX века среди историков вообще был сильно распространен «научный скептицизм»; как в России, так и на Западе существовало даже целое направление в исторической науке — «скептическая школа», подвергавшая сомнению подлинность большинства памятников древней письменности (русской, античной, западноевропейской), в том числе, например, и такого, как «Повесть временных лет» Нестора, хотя от этой летописи и сохранились сотни списков XIV—XVI вв. и многочисленные свидетельства.

Чем больше исследовалось «Слово», тем яснее становилась его подлинность. В конце XVIII века древнерусский язык был изучен еще очень плохо и подделать этот язык в «Слове» было невозможно. Нашлись объяснения для ряда мест «Слова», которые казались первоначально непонятными. Стали ясны многие исторические упоминания «Слова». Идейная сторона «Слова о полку Игореве», первоначально вовсе не привлекавшая к себе внимание читателей и исследователей, стала ясной после открытия многих других памятников со сходными патриотическими идеями. Были найдены позднейшие памятники, в которых оказалась отраженной стилистика «Слова», его отдельные выражения.

Наконец, высокий уровень культуры Руси XII в. стал особенно ясен ученым и помог понять многие поэтические достоинства «Слова».

* * *

«Слово о полку Игореве» было создано в последней четверти XII в., когда процесс феодального дробления Руси достиг своей наибольшей силы. Экономическая, политическая и культурная жизнь русских княжеств замкнулась в узких местных пределах. Множество мелких феодальных князей враждовало между собой, оспаривая друг у друга владения, старшинство, втягиваясь в братоубийственные войны во имя узко местных княжеских интересов. Пало значение Киева как центра Русской земли.

Междоусобная борьба князей была трагически осложнена нависшей над Русью половецкой опасностью. Кыпчаки, а по-русски половцы, народ тюркского происхождения, заняли степи между Волгой и Днестром еще в середине XI в. Русским киевским князьям во главе с Владимиром Мономахом в начале XII в. удалось одержать крупные победы над половцами, однако внезапные набеги половцев разоряли мирное население русских сел и городов. Половцы уничтожали сельское хозяйство, грабили города, избивали и угоняли в рабство жителей. Быстрая степная конница не знала естественных преград на чрезвычайно растянутых южных и юго-восточных границах Руси — открытых, доступных, трудно оберегаемых. Бескрайнее «дикое поле», «страна незнаема» готова была поглотить многочисленные русские города, уничтожить широко развитое земледелие. Часто набеги степных кочевников разбивались о стойкое сопротивление разрозненных княжеств. Часть половцев оседала на пограничных землях и под именем «ковуев» и «своих поганых» (т. е. «своих язычников») постепенно включалась в мирное влияние русской культуры. Но раздоры русских княжеств создавали удобную обстановку для новых вторжений. Ссоры князей доходили иногда до такого ожесточения, что князья призывали половцев себе в помощь, создавая страшную угрозу независимости Русской земли.

Ослабление политического единства Руси в XII в. не было, однако, временем ее культурного упадка. Самое дробление Киевского госу-

дарства было связано с ростом его отдельных частей, с развитием производительных сил на местах, с образованием новых областных центров, с подъемом активности городских масс населения. Дробление Киевского государства соединялось с появлением новых культурных центров. Рядом с Киевом, Новгородом и Черниговом растут и крепнут многочисленные новые очаги русской культуры: Владимир Залесский и Владимир Волынский, Полоцк и Смоленск, Туров и Галич¹. В городах возрастает деятельность веча — народных собраний. Города то прогоняют своих князей, то приглашают к себе новых. Возрастает роль купечества и ремесленников. Строятся прекрасные здания, работают многочисленные «дружины» живописцев, резчиков по камню, плотников, ювелиров, переписчиков рукописей и т. д. Пишут простые люди — ремесленники и крестьяне. Раскопки в Новгороде говорят об усиленном развитии грамотности среди простого населения (в изобилии найдены берестяные письма XII, XIII и XIV вв.).

Достаточно самого беглого перечисления культурных явлений XII в., чтобы убедиться, что «Слово о полку Игореве» не было одиноко в своей неувядаемой красоте. «Слово» имеет своих спутников в различных областях культурной жизни XII в. В архитектуре — это изящная, стройная и нарядная церковь Покрова на Нерли (1165 г.); это Успенский собор во Владимире (1158 г., перестроен в 1185—1189 гг.), великолепию которого дивились современники и потомки — русские, греки, немцы и итальянцы; это Дмитриевский собор в том же Владимире (1194 г.) с его белоснежными стенами, богато украшенными снаружи рельефными изображениями львов, барсов, грифонов, кентавров, всадников, святых и т. д.² В живописи — это знаменитые фрески Мирожского монастыря в Пскове, фрески Старой Ладуги, фрески Аркажской церкви в Новгороде; это прославленные новгородские фрески церкви Спаса Нередицы³. Но не

¹ См. подробнее: «История культуры древней Руси», Изд. АН СССР, т. I, М.—Л., 1951, т. II, М.—Л., 1952.

² Н. Н. Воронин, Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI—XIII вв., Изд. АН СССР, М.—Л., 1945.

³ Д. С. Лихачев, Новгород Великий. Культурно-исторический очерк, Госполитиздат, Л., 1945; В. Н. Лазарев, Искусство Новгорода, Изд. АН СССР, М.—Л., 1950.

только архитектура и живопись свидетельствуют о высоком уровне русской культуры времени «Слова о полку Игореве». Высоким развитием отмечено и прикладное искусство. Художественные ремесла в XII в. представлены превосходными рукописями, ювелирными изделиями (серебро, эмали), изделиями из железа, резьбой по кости, камню, дереву и т. д. В источниках встречается до 42 названий различных ремесленных специальностей этого времени, а в действительности этих специальностей было значительно больше.

Но особенных успехов в XII в. достигает искусство слова. То немногое, что дошло до нас от письменных произведений XII в. после бесчисленных вражеских истреблений, пожаров и в результате небрежного хранения, свидетельствует не только о существовании тех или иных удачных литературных произведений, — оно свидетельствует об общей высокой литературной культуре XII в., о наличии нескольких литературных школ, о многочисленности жанров, о самой потребности в литературе, о привычке к литературному чтению. Ораторские произведения Климента Смолятича и Кирилла Туровского связаны со всей европейской культурой ораторского искусства и уходят корнями через Византию еще к традициям античности. Киево-печерский патерик, отдельные исторические повести, известное «Моление Даниила Заточника» — каждое из этих произведений резко отличается от другого и по форме, и по содержанию. Наиболее оригинальная по облику местных отличий — летопись — ведется почти в каждом городе, в каждом крупном монастыре, нередко при дворе местного князя или даже при обычной церкви. В любом из литературных произведений XII в. мы сталкиваемся с удивительным разнообразием словаря, со сложными литературными традициями, иногда с образами народной поэзии и всегда с устойчивыми местными особенностями стиля и языка.

Эта пестрота школ, стилей, традиций, жанров — своеобразное отражение феодального дробления в зодчестве, в живописи, в литературе было связано с другой характерной чертой XII в.: интенсивным влиянием на культуру верхов русского общества многовековой местной народной культуры. Это влияние началось

еще задолго до эпохи создания «Слова», но именно ко времени создания «Слова» оно достигло наибольшей силы. Не подлежит сомнению, что само «Слово» с его органическим соединением народных начал и утонченной книжности — типическое явление именно XII в.

* * *

«Слово о полку Игореве» посвящено неудачному походу Новгород-Северского князя Игоря Святославича, с немногими силами, очертя голову, «не сдержав юности», выступившего в 1185 г. «поискать» себе «чести и славы», не сговорившись с другими князьями и потерпевшего от этого страшное поражение. На примере этого похода автор «Слова» призывает русских князей к единению, к согласованному отпору внешним врагам Руси.

Поход состоялся ранней весной 1185 г. 23 апреля во вторник Игорь Святославич Новгород-Северский, сын его Владимир Путивльский, племянник князь Святослав Ольгович Рыльский вместе с присланными от Ярослава Всеволодовича Черниговского во главе с Ольстином Олексичем дружинами ковуев выступили в далекий степной поход на половцев без сговора с киевским князем Святославом. Откормленные за зиму кони шли тихо. Игорь ехал, собирая свою дружину. В походе у берегов Дона 1 мая, когда день клонился к вечеру, их застигло солнечное затмение, считавшееся на Руси предзнаменованием несчастья, но Игорь не поворотил коней. У реки Оскола Игорь два дня поджидал своего брата, храброго Всеволода, по прозвищу «Буй Тур», шедшего иным путем из Курска. От Оскола пошли дальше к реке Сальнице.

Застигнуть половцев врасплох, как рассчитывал Игорь, не удалось: неожиданно русские сторожа (разведчики), которых послали ловить «языка», донесли, что половцы вооружены и готовы к бою. Сторожа советовали либо идти быстрее, либо возвратиться. Но Игорь сказал: «Если так без битвы воротиться, то позор нам будет пуще смерти». Согласившись на этом, русские не стали на ночлег, а ехали всю ночь. На следующий день в обеденное время русские встретили половецкие полки. Половцы отправили назад свои вежи (кочевые жилища на те-

легах), а сами, собравшись «от мала и до велика», выстроились на той стороне реки Сюурлия. Войска Игоря построились в шесть полков. По обычаю того времени, Игорь Святославич сказал князьям краткое ободряющее слово: «Братья, сего мы искали, так потрудимся». Посередине стал полк Игоря, по правую руку от него — полк Буй Тура Всеволода, по левую — полк Игорева племянника Святослава Рыльского. Впереди стал полк сына Игоря — Владимира и полк черниговских ковуев. Отборные стрелки, выведенные из всех полков, вышли на самый перед. Половцы выстроили своих стрельцов. Дав залп из луков, половцы бежали, не приняв боя. Бежали и те половецкие полки, которые стояли вдалеке от реки. Передовые полки черниговских ковуев и Владимира Игоревича погнались за половцами. Игорь же и Всеволод шли медленно, сохраняя боевой порядок своих полков. Русские овладели вежами половцев и захватили пленных. Часть войска гналась за половцами дальше и ночью вернулась назад с пленниками.

Как рассказывает Ипатьевская летопись, на следующий же день после первой победы над половцами, с рассветом, неожиданно половецкие полки, подобно лесу, стали наступать на русских. Небольшое русское войско увидело, что оно собрало против себя «всю половецкую землю». Но и в этом случае отважный Игорь не поворотил полков. Его речь перед битвой напоминает речи Мономаха своею заботой о черных (простых) людях: «Если погибнем, или убежим сами, а черных людей оставим, то от бога нам будет грех, выдав их. Так пойдем: или умрем, или живы будем все вместе». Чтобы пробиваться к Дону, не опережая и не отставая друг от друга, Игорь приказал конным спешиться и драться всем в пешем строю.

Трое суток день и ночь медленно пробивался Игорь к Дону со своим войском. В бою Игорь был ранен в правую руку. Отрезанные от воды воины томились жаждою. Первыми изнемогли от жажды кони. Много было раненых и мертвых в русских полках. Бились крепко до самого вечера, бились вторую ночь; на рассвете утром в воскресенье черниговские ковуи дрогнули. Игорь поскакал к ковуям, чтобы остановить их. Он снял шлем, чтобы быть ими признанным, но не мог их задержать. На обратном пути, в рас-

стоянии полета стрелы от своего полка, он был пленен половцами. Схваченный, он видел, как жестоко бьется его брат Всеволод во главе своего войска, и просил смерти у бога, чтобы не видеть его гибели. Пленных князей разобрали по рукам половецкие ханы. За Игоря, как за раненого, поручился сам Кончак. Из всего русского войска спаслось только 15 человек, а козюев и того меньше. Прочие же погибли.

В то время Святослав Всеволодович Киевский шел в Корачев и собирал воинов, намереваясь идти на половцев к Дону на все лето. На обратном пути у Новгород-Северского Святослав услышал, что двоюродные братья его пошли, утаясь от него, на половцев, и не любо ему стало это. Когда Святослав подходил уже в ладьях к Чернигову, прибежал некто Беловолод Просович и поведал ему о поражении Игоря. Святослав, услышав это, глубоко вздохнул, утер слезы и сказал: «О любимые мои братья, и сыновья, и мужи Земли Русской! Дал мне бог победу над погаными, но не сдержав юности отворили ворота на Русскую землю. Воля господня да будет о всем. Как мне было на него раньше досадно на Игоря, так теперь еще больше жалею по Игорю, брате моем». В этих словах Святослава точно определены последствия поражения Игоря. Накануне похода Игоря, в 1184 г., Святослав победил половцев, но теперь Игорь, «не сдержав юности», свел на нет результаты этой победы — «отворил ворота» половцам на Русскую землю. Скорбь и люта туга (печаль) распространилась по всей Русской земле. Половцы, победив Игоря с братиею, собрали весь свой народ, ринулись на русскую землю. И была между ними распря: хан Кончак хотел идти на Киев отомстить за Боняка и деда своего Шарукана, потерпевших там поражение в 1106 г., а другой хан — Кза предлагал пойти на Семь, где остались русские жены и дети. «Готов нам полон собран: захватим же города без страха». И так разделались на двое. Кончак пошел к Переяславу Южному, осадил город и бился здесь весь день. В Переяславе был тогда князем Владимир Глебович. Был он «дерзок и крепок на рать», выехал из города и бросился на половцев, но дружины за ним выехать дерзнуло немного. Князь крепко бился со врагами, был окружен и ранен тремя копьями.

Тогда прочие подоспели из города и отняли князя. Владимир из города послал сказать к Святославу Киевскому, Рюрику и Давыду Ростиславичам: «Вот половцы у меня, так помогите мне», Святослав послал к Давыду, который стоял у Треполя со своими смольнянами. Смольняне стали вечем и сказали: «Мы пошли к Киеву; если бы встретили врага, то и бились бы; нам ли теперь иного похода искать, не можем, уже изнемогли». Святослав с Рюриком поплыли по Днепру против половцев, а Давыд со своими смольнянами возвратился обратно. Услышав о приближении войска Святослава и Рюрика, половцы отступили от Переяслава и на обратном пути осадили город Римов. Во время осады Римова рухнула часть стены. Часть осажденных вышла на вылазку биться с половцами и избежала плена. Всех остальных половцы взяли в плен, либо истребили.

В плену Игорь пользовался относительной свободой и почетом. К нему приставили двадцать сторожей, которые не мешали ему ездить, куда он захочет, и слушались его, когда он куда-либо их посылал. Игорь ездил на ястребиную охоту со своими слугами и даже вызвал к себе из Руси священника для отправления церковной службы.

Пловец Лавр, по-видимому крещеный, предложил Игорю бежать. Игорь отказался пойти «неславным путем», но обстоятельства в конце концов вынудили его к бегству: сын тысяцкого и конюший, находившиеся вместе с Игорем в плену, сообщили ему, что возвращающиеся от Переяслава половцы намерены перебить всех русских пленных. Время для бегства было выбрано вечернее — при заходе солнца. Игорь послал к Лавру своего конюшего, веля перебраться на ту сторону реки с поводным конем. Половцы, стерегшие Игоря, напились кумыса, играли и веселились, думая, что князь спит. Помолясь, Игорь поднял полу половецкой вежи и вышел. Он перебрался через реку, сел там на коня и тайно проехал через половецкие вежи. Одиннадцать дней пробирался Игорь до пограничного города Донца, убегая от погони. Приехав в Новгород-Северский, Игорь вскоре пустился в объезд — в Чернигов и в Киев, — ища помощи и поддержки, и всюду был встречен с радостью.

Через два года вернулся и сын Игоря — Владимир. В плену он женился на дочери Кончака; венчали их уже на Руси.

* * *

Так рассказывают о походе Игоря летописи. В «Слове о полку Игореве» нет систематического рассказа об этом походе. Автор не столько рассказывает о событиях похода Игоря, сколько обсуждает их, поэтически сетует о судьбе русского войска, Русской земли, зовет к согласованной ее обороне. Поражение войск Игоря автор рассматривает как грозное предостережение виновникам несчастий — русским князьям, погрязшим в междоусобных феодальных войнах и сделавшим родину ареной постоянных набегов кочевников. Он призывает прекратить междоусобные войны и объединиться против общих врагов. Эта мысль — единение русских против общих врагов — и является главной мыслью «Слова».

«Слово о полку Игореве» — произведение письменное, но оно очень близко к устной народной поэзии по своей идейной сущности и стилистическому строю. Оно теснейшим образом связано с традициями русской литературы и русского фольклора своего времени. Автор «Слова» не гонялся за новизною и неожиданностью художественных средств. Он творил свое произведение на основе тех образов, той символики, которая уже была до него в поэтическом языке и в обыденной устной русской речи XII в.

Образы битвы-пира, битвы-жатвы или битвы-грозы, образ воина-сокола, образ врага-ворона, символ войны — меч, символ независимости города — ворота, символ поражения — поверженный стяг, метонимии «всесть на конь» вместо «выступить в поход», или «вонзить меч (в ножны)» вместо «прекратить военные действия», эпитеты «серебряная» седина, «храбрая» дружина, «синяя» мгла, «светлое» солнце, «красные» девицы, «черный ворон» и т. д. — все это уже было в поэтическом и обыденном русском языке еще до того, как автор «Слова» написал свое произведение.

В этом использовании уже существующих богатств языка, в умении показать их поэтический блеск и значительность и состоит один из элементов народности художественной формы

«Слова». Можно смело сказать, что «Слово» приучало любить русскую обыденную речь, давало почувствовать красоту русского языка. Именно эта тесная связь поэтических средств «Слова» с поэтическими средствами русского языка в целом явилась одним из оснований его бессмертия. «Слово» потому и сохраняет для нас всю силу своего обаяния, что автор его не занимался «изобретательством» собственных поэтических средств, а брал их из неисчерпаемой и прочной сокровищницы народной русской поэзии и русской речи, используя их в своем произведении с необыкновенным изяществом и тонким чувством меры.

Народность «Слова» находится в тесной связи с его глубокой человечностью. Автор «Слова» проникся думами русского трудового народа, его поэзией, стал выразителем интересов русского народа в целом, так как сам обладал большим человеческим пониманием, сильными человеческими чувствами — простыми и понятными и в наше время. Рассказывая о походе Игоря, автор «Слова» преисполнен такой острой скорби, что как бы не может удержать себя от вмешательства в действия Игоря. Он прерывает самого себя восклицаниями: «О! да-лече зайде соколъ, птицъ бья, — къ морю! А Игореве храбраго плькѹ не крѣсити!»; «О! стонати Руской земли, помянувшѹ прѣвую годѹну и прѣвыхъ князей!». Автор «Слова» одухотворяет природу, заставляет ее отзываться на все происходящее среди людей. Природа сочувствует русским и как бы стремится предупредить их об опасности, остановить Игоря на его гибельном пути. Это слияние автора и природы усиливает значительность происходящего, усиливает драматизм.

С осязательной живостью автор «Слова» рисует себе удаление русского войска и дважды восклицает: «О Руская земле! Уже за шеломянемь еси!» Только бывавший в походах мог с такою точностью передать чувства воинов, перешедших границы родной земли.

Автор «Слова» как бы слышит издалека шум битвы, но в сильном душевном волнении не хочет и не может осознать внезапно надвинувшегося поражения, несмотря на всю его очевидность; он восклицает: «Что ми шумить, что ми звенить — далече рано предъ зорями?» Только

переживший сам душевную утрату мог с такою психологическою верностью передать свое смятенное состояние.

Во всей сложности предстают перед нами и противоречивые чувства Святослава Всеволодовича Киевского при известии о поражении Игоря и Всеволода. Он отечески любит их и отечески упрекает за безрассудную затею похода на половцев без сговора с остальными русскими князьями: «Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ?»

С исключительной внимательностью прислушивается автор «Слова» к думам и волнениям своих героев. Он проникновенно и сочувственно понимает молодецкое презрение к роскоши воинов Игоря, которые, потоптав «поганные» полки половецкие, «орьтъмами, и япончицами, и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими узорочьи половѣцкими». И одновременно с этим сочувственным пониманием удали воинов автор «Слова» с ласковой чуткостью приоткрывает нам душевные переживания юной жены Игоря — Ярославны, плачущей по своему муже. Нежность Ярославны и суровость воинов доступны и близки ему в равной мере.

Автор «Слова» сочувственно понимает предпочтение смерти плену, высказанное Игорем в начале похода. Он с удивительной человечностью говорит об одинокой (именно одинокой!) смерти Изяслава Васильковича на поле битвы на кровавой траве. Не было с ним его братьев, в одиночестве изронил он свою «жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресь злато ожерелие».

Глубокой человечностью веет от пейзажа опустелой пашни. Печальная картина заброшенной нивы, на которой вместо покрикивающего на свою лошадь пахаря только вороны граят, «трупиа себѣ дѣляче», а галки «свою рѣчь говоряхуть», собираясь полететь на добычу, до боли сжимает сердце читателя и воспринимается как своеобразный плач автора о русском народе.

Необыкновенная чуткость к человеческому горю, большое и умное сердце автора «Слова» не могли не привлечь его к народному горю — к страданию трудового русского населения. Народность и гуманизм автора — это, в сущности, две стороны одного и того же. Благодаря им

«Слово» живет и для нас, продолжает волновать нас и до сих пор.

Чувства автора «Слова» целиком подчинены всепроникающей любви к родной ему Русской земле. Именно эта Русская земля явилась героем его произведения.

Призыв к единению, чувство единства родины автор «Слова» воплотил в живом и конкретном образе Русской земли. Образ Русской земли — центральный в «Слове». Автор «Слова» рисует обширные пространства Русской земли. Родина ощущается в произведении как единое и огромное живое существо.

В действие в «Слове» втянуты одновременно огромные географические пространства. Половецкая степь («страна незнаема»), «синее море», Дон, Волга, Днепр, Донец, Дунай, Западная Двина, Рось, Сула, Стугна, Немига, а из городов — Корсунь, Тьмуторокань, Киев, Полоцк, Чернигов, Курск, Переяславль, Белгород, Новгород, Галич, Путивль, Римов и др.; — вся Русская земля введена в круг повествования. К событиям, происходящим в ней, прислушиваются немцы и венецианцы, греки и моравы, а литва, половцы, ятвяги и деремелы (литовские племена) непосредственно втянуты в ход русской истории.

Широкое пространство действия объединяется гиперболической быстротой передвижения в нем действующих лиц. Всеслав доткнулся копьем до золотого престола киевского, отскочил от него лютым зверем. В полночь из Белгорода скрылся в синей ночной мгле, на утро же, поднявшись, оружием отворил ворота Новгорода, расшиб славу Ярослава... Всеслав князь людей судил, князьям города уряжал, а сам в ночи волком рыскал: из Киева дорыскивал, до петухов, Тьмуторокани; великому Хорсу (солнцу) волком путь перерыскивал. Святослав, словно вихрь, исторгнул поганого Кобяка из лукоморья, из железных великих полков половецких, и пал Кобяк в городе Киеве, в гриднице Святославовой.

В обширных пространствах Руси могущество героев «Слова» приобретает гиперболические размеры: Владимира Мономаха нельзя было пригвоздить к горам Киевским; Галицкий Ярослав — подпер горы угорские своими же-

лезными полками, загородив королю путь, затворив Дунаю ворота.

Такою же грандиозностью отличается и пейзаж «Слова», всегда тем не менее конкретный и взятый как бы в движении: перед битвой с половцами кровавые зори свет поведают, черные тучи с моря идут, быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону великого. Земля гудит, реки мутно текут, прах над полями несется. После поражения войска Игоря глубокая печаль течет по Руси. Ветер, солнце, грозные тучи, в которых трепещут синие молнии, утренний туман, дождевые облака, щебет соловьиный по ночам и галочий крик утром, вечерние зори и утренние восходы, море, овраги, реки — составляют огромный необычайно широкий фон, на котором разворачивается действие «Слова», передают ощущение бескрайних просторов родины.

Широки и «космичны» образы из плача Ярославны. Ярославна в плаче обращается к ветру, веющему под облаками, лелеющему корабли на синем море, к Днепру, который пробил каменные горы сквозь землю Половецкую и лелеял на себе Святославовы насады до Кобыкова стана, к солнцу, которое всем тепло и прекрасно, а в степи безводной простерло жгучие свои лучи на русских воинов, жаждою им луки скрутило, истомою им колчаны заткнуло.

В радостях и печалях русского народа принимает участие вся русская природа: понятие родины — Русской земли — объединяет для автора его историю, «страны» (т. е. сельские местности), города, реки и всю природу. Солнце тьмою заслоняет путь князю — предупреждает его об опасности. Донец стелет бегущему из плена Игорю зеленую постель на своих серебряных берегах, одевает его теплым туманом, сторожит гоголями и дикими утками.

Чем шире охватывает автор Русскую землю, тем конкретнее и жизненнее становится ее образ, в котором оживают реки, вступающие в беседу с Игорем, наделяются человеческим разумом звери и птицы.

Ощущение пространства и простора, постоянно присутствующее в «Слове», усиливается многочисленными образами соколиной охоты, участием в действии птиц (гуси, гоголи, вороны, галки, соловьи, кукушки, лебеди, кре-

четы), совершающих большие перелеты («не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону великому...», вороны несутся к синему морю и т. д.); ветер и отдаленное море — подчеркивают это ощущение.

Наблюдая Русскую землю с такой высоты, с которой он может охватить все ее пространство, автор тем не менее видит и слышит ее во всех деталях. Разнообразная наблюдательность автора «Слова» охватывает подробности походной жизни, степных переходов, приемы защиты и нападения, детали вооружения, поведение птиц и зверей.

Образ Родины, полной городов, рек и многочисленных обитателей, как бы противопоставлен образу пустынной половецкой степи — «стране незнаемой», ее яругам (оврагам), холмам, болотам и «грязивым» местам.

Русская земля для автора «Слова» — это, конечно, не только «земля» в собственном смысле этого выражения, не только русская природа, русские города, — это, в первую очередь, народ, ее населяющий. Автор «Слова» говорит о мирном труде русских «ратаев» — пахарей, нарушенном усобицами князей; он говорит о женах русских воинов, оплакивающих своих мужей, павших в битве за Русь; он говорит о горе всего русского народа после поражения Игоря, о гибели достоинства русского народа, о радости жителей городов и сельских местностей при возвращении Игоря. Войско Игоря Новгород-Северского — это прежде всего «русичи» — русские сыны, они идут на половцев за родину, переходя границу Руси, они прощаются с Родиной — с Русской землей в целом, а не с Новгород-Северским княжеством, не с Курском или с Путивлем: «О Руская земле! Уже за шеломянемъ еси!»

Вместе с тем, понятие родины включает для автора «Слова» и ее историю. В зачине к «Слову» автор говорит, что он собирается вести свое повествование «отъ стараго Владимира (Владимира I Святославича) до нынѣшняго Игоря». Излагая историю несчастного похода на половцев князя Игоря, автор охватывает события русской жизни за полтора столетия и ведет свое повествование «свивая славы оба полы сего времени», постоянно обращаясь от современности к истории, сопоставляя прошлые времена с на-

стоящим. Автор вспоминает века Трояновы, годы Ярославовы, походы Олеговы, времена «старого Владимира» Святославича.

* * *

Отношение автора «Слова о полку Игореве» к русским князьям двойственное. Он видит в них представителей Руси, он им сочувствует, гордясь их успехами и скорбя об их неудачах. Однако, вместе с тем, автор «Слова» с осуждением говорит об их эгоистической узкоместной политике и об их раздорах.

На примере Игоря Святославича Новгород-Северского автор показывает несчастные последствия отсутствия единения. Игорь терпит поражение только потому, что пошел в поход один. Он действует по феодальной формуле «мы себе, а ты себе». Слова Святослава Киевского, обращенные к Игорю Святославичу, характеризуют в известной мере и отношение к нему автора «Слова». Святослав говорит, обращаясь к Игорю и Всеволоду: «О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлти, а себѣ славы искати. Нѣ нечестно одолѣсте, нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю (ваши) храбрая сердца въ жестоце мѣ харалузѣ скована, а въ бѣести закалена. Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ... Нѣ рекосте: «Мужаимѣся сами: преднюю славу сами похитимѣ, а заднюю си сами подѣлимѣ!» А чи диво ся, братие, стару помолодити? Коли соколь въ мытехъ бываетъ, высоко птицѣ възбиваетъ: не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нѣ се зло — княже ми неспособность: наниче ся години обратиша».

По существу, весь рассказ в «Слове» о походе Игоря выдержан в этих чертах его характеристики Святославом: храбрый, но безрассудный Игорь идет в поход, несмотря на то, что поход этот с самого начала обречен на неуспех. Он идет несмотря на все неблагоприятные «знаменья». Основным побуждением его при этом является стремление к личной славе. Игорь говорит: «Братие и дружино! Луце жѣ бы потяту быти, неже полонену быти; а всядемѣ, братие, на свои брѣзья комони, да позримѣ синего Дону», и еще: «Хощу бо, — рече, — копие приломити конецъ поля Половецкаго; съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо ис-

пити шелоомь Дону». Желание личной славы «заступает ему знамение». Ничто не останавливает Игоря на его роковом пути.

В образе Игоря Святославича подчеркнуто, что его поступки обусловлены в большей мере заблуждениями эпохи, чем его личными свойствами. Сам по себе Игорь Святославич не плох и не хорош: скорее даже хорош, чем плох, но его деяния плохи, и это потому, что над ним господствуют предрассудки феодального общества. Тем самым в «Слове» преобладает общее и историческое над индивидуальным и временным. Игорь Святославич — сын эпохи. Это храбрый, мужественный, в известной мере любящий Родину князь, но безрассудный и недальновидный, заботящийся о своей чести больше, чем о чести Родины.

С гораздо большим осуждением говорит автор «Слова» о родоначальнике князей Ольговичей — Олеге Святославиче, внуке Ярослава Мудрого и постоянном противнике Владимира Мономаха. Вспоминая этого Олега (Олег жил во второй половине XI — начале XII вв.; он умер в 1115 г.), автор «Слова» говорит, что он «мечем крамолу ковал и стрелы по земле сеял». При Олеге Святославиче «сеялась и проростала усобицами» Русская земля. Автор «Слова» отмечает гибельность крамол Олега прежде всего для трудового народа, для крестьянства: «тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть, трупиа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедие». Автор «Слова» наделяет Олега ироническим отчеством «Гориславич», имея в виду, конечно, горе народное, вызванное усобицами Олега, а не его личное.

Таким же зачинателем усобиц изображен и родоначальник полоцких князей — Всеслав Полоцкий. Весь текст «Слова» о Всеславе представляет собою размышления о его злосчастной судьбе. Всеслав изображен в «Слове» с осуждением и с теплотой лирического чувства: неприкажанный князь, мечущийся, как затравленный зверь, хитрый, «вещий», но несчастный неудачник. Перед нами исключительно яркий образ князя периода феодальной раздробленности Руси.

В остальных русских князьях автор «Слова» в большей мере подчеркивает их положитель-

ные черты, чем отрицательные. Он гиперболизирует военные подвиги русских князей, их могущество, их славу. В этой гиперболизации автор «Слова» выражает свои мечты о сильной власти на Руси, о военном могуществе русских князей. Владимир I Святославич так часто ходил в походы на врагов, что его нельзя было пригвоздить к горам Киевским. Всеволод Суздальский может Волгу веслами расплескать, а Дон шлемами вылить, и автор «Слова» скорбит о том, что его нет на юге. Ярослав Осмомысл подпер горы венгерские своими железными полками, загородил дорогу венгерскому королю, отворял Киеву ворота, стрелял в салтанов за землями.

Совсем особую группу составляют женские образы «Слова». Все они овеяны мыслью о мире, о семье, о доме, проникнуты нежностью и лаской, ярко народным началом. В них воплощена печаль и забота родины о своих воинах. В идейном замысле автора эти женские образы занимают очень важное место, подчеркивая мирное и созидательное начало, противостоящее войне и разрушению.

Жены русских воинов после поражения Игоря войска плачут о своих павших мужьях. Их плач, полный нежности и беспредельной грусти, носит глубоко народный характер: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати». Тот же народно-песенный характер носит и плач Ярославны — юной жены Игоря. Замечательно, что Ярославна оплакивает не только пленение своего мужа, она скорбит о всех павших русских воинах: «О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣши? Чему мычеша хиновъскыя стрѣлки на своею нетрудною крилицю на моя лады вой?» «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вой? Въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче?»

Противопоставление войны и мира, воплощенного в образе русских женщин, особенно ярко в лирическом обращении автора «Слова» к Всеволоду Буй Туру. В разгар боя Всеволод не чувствует на себе ран, он забыл честь и жизнь и своей милой любимой «красныя Глѣбовны свычая и обычая». Характерно, что ни

один переводчик «Слова» не смог удовлетворительно перевести это превосходное при всей своей простоте и, в сущности, хорошо нам понятное выражение — «свычай и обычай».

Итак, образы русских князей, женские образы «Слова» даны не сами по себе — они раскрывают конкретную идею автора, служат целям все того же призыва к единению. Перед нами и здесь «Слово» выступает как произведение исключительно целеустремленное. Рукою художника — автора «Слова» — водила политическая мысль — мысль страстная, полная горячей любви к родине.

* * *

Самое имя автора «Слово о полку Игореве» нам неизвестно и вряд ли станет когда-нибудь известным. Все попытки точно выяснить, как звали автора «Слова», которые до сих пор были сделаны, не выходят за пределы самых шатких и фантастических предположений.

Однако кое-что об авторе «Слова», о его воззрениях, его социальном положении, мы все же можем предполагать. Прежде всего, это не монах, это человек светский, вероятнее всего, дружинник: дружинными понятиями он пользуется постоянно. Он, несомненно, был книжно-образованным человеком и по своему социальному положению не принадлежал к трудовому народу. Однако в своих политических воззрениях он был чужд классовым интересам феодальных верхов и был близок интересам широких слоев всего трудового населения Руси. Именно поэтому он так щедро использует в своем произведении элементы народной поэзии. Автор «Слова» — выразитель интересов всего русского народа. Свое произведение автор писал вскоре после похода Игоря 1185 г. Оно написано под свежим впечатлением. Это не историческое повествование о далеком прошлом — это отклик на события своего времени, полный еще не притупившегося горя. Автор «Слова» обращается в своем произведении к современникам событий, которым эти события были хорошо известны. Поэтому «Слово» соткано из намеков, из напоминаний, из глухих указаний на то, что еще было перед глазами у всех его читателей — современников. Есть и более точные указания в «Слове» на то, что оно составлено вскоре после описыва-

емых событий. «Слово» нигде не упоминает о событиях, происшедших после 1187 г. В 1196 г. умер Буй Тур Всеволод. В 1198 г. Игорь Святославич сел на княжение в Чернигове, не раз ходил перед тем вновь на половцев, но все это осталось без упоминаний в «Слове о полку Игореве». Не упомянуты и другие события русской истории, случившиеся после 1187 г.: в частности, «Слово» в числе живых князей называет умершего в 1187 г. Ярослава Осмомысла Галицкого, к нему автор «Слова» обращается с призывом «стрелять» в Кончака «за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича». Отсюда ясно, что «Слово» написано не позднее 1187 г.; но оно не могло быть написано и ранее 1187 г., так как оно заключается «славой» «молодым» князьям — в том числе и Владимиру Игоревичу, только в 1187 г. вернувшемуся из плена. Отсюда ясно, что «Слово о полку Игореве» написано в 1187 г.

* * *

Созданное в 1187 г. «Слово о полку Игореве» получило живой отклик в последующем литературном развитии. Знакомство со «Словом» отчетливо обнаруживается в древнерусской литературе. Так, например, в псковском «Апостоле» 1307 г., хранящемся в Государственном Историческом Музее в Москве, читается следующая приписка, сделанная переписчиком на последнем листе рукописи: «Сего же лета бысть бой на Русьской земли Михаил с Юрьем о княжене новгородское. При сих князех сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша, в князех которы и вещи скоротишася человеком». Приписка эта в своей второй половине представляет собой переделку следующего места из «Слова»: «Тогда, при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣщи челоуѣкомъ скратишась».

В самом начале XV в. «Слово» послужило литературным образцом для создания «Задонщины». «Задонщина» — это небольшое поэтическое произведение, посвященное прославлению победы Дмитрия Донского на Куликовом поле «за Доном».

Через «Задонщину», а может быть и непосредственно, «Слово» оказало влияние и на дру-

гое произведение о Донской битве — на так называемое «Сказание о Мамаевом побоище».

В XVI в. «Слово» без сомнения переписывалось в Пскове или в Новгороде (сгоревшая в пожаре 1812 г. рукопись «Слова» была именно этого происхождения).

По-видимому, именно «Слово» отразилось в псковской летописи в рассказе о битве под Оршою 1512 г.: «Бысть побоище велие москвичем с Литвою под городом под Оршою; и возкличаша и возопиша жены орешанки на трубы московския, и слышаше быти стуку и грому великому и между москвич и Литвою. И вдариша москвичи на Литву, руския князи и бояре з дивными удалыцы рускими сыновами на сильную рать литовскую, и треснули копыя московская, и гремят мечи булатные о шелома литовския на поли Оршиском».

Есть основание думать, что «Слово» было знакомо автору «Поэтической повести об осадном сидении казаков в Азове», составленной в середине XVII в.

Таким образом, «Слово о полку Игореве» время от времени давало о себе знать в различных областях Руси. Его читали и переписывали, в нем искали вдохновения для собственных произведений. Созданное на юге Руси, «Слово» «не затерялось,— по выражению академика А. С. Орлова,— на границе «дикого поля» оно обошло весь горизонт русской территории, не раз пересекло его окружность»¹.

В наше время сомнения русских историков «скептической школы» начала XIX в. были повторены французским ученым А. Мазоном. А. Мазон предположил, что «Слово о полку Игореве» — подделка времени Екатерины II, сделанная якобы для того, чтобы доказать древние права России на северные берега Черного моря. Для этой цели подделыватели XVIII века воспользовались якобы, по предположениям А. Мазона, произведением конца XIV века — «Задонщиной», рассказывавшей о победе русских над Мамаем на Куликовом поле. Рукопись этой «Задонщины» подделыватели якобы уничтожили. Но на вопрос о том, почему же фальсификаторы, хотевшие якобы прославить силу русского оружия, переделали произведение о по-

¹ А. С. Орлов, Слово о полку Игореве, Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 6.

беде русских над татарами в произведение о поражении русских от половцев и подлинную рукопись этой патриотической повести о русской победе на Куликовом поле якобы уничтожили, А. Мазон не отвечает.

Между тем на самом деле «Задонщина» была найдена позднее, уже после опубликования «Слова о полку Игореве». Сравнивая оба произведения, беспристрастный исследователь легко видит, что не «Слово о полку Игореве» является поздней переделкой «Задонщины», а, напротив, «Задонщина» явилась подражанием «Слову о полку Игореве». Автору «Задонщины», писавшему в конце XIV века, хотелось показать, что время бедствий Руси от степных кочевников кончилось, что свершилась великая победа русских над степными насильниками, и для этой цели он избрал форму «Слова о полку Игореве», написал как бы ответ на «Слово», противопоставив современную ему победу прошлому поражению.

При этом автор «Задонщины» не всюду понял «Слово», искажил и ослабил многие его художественные образы. Так, например, в «Слове о полку Игореве» Днепр пробивает «каменные горы», т. е. пороги; в «Задонщине» это отнесено к Дону, — там Дон также пробивает каменные горы; но течение Дона не встречает на своем пути ни порогов, ни гор. В «Слове» «дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша», и мы знаем, действительно, что половцев было много, что они как стенами обступили русское войско; в «Задонщине» же один только русский воин-снах Пересвет «свистом поля перегороди». В «Слове» русское войско идет в степь, и Рус-

ская земля остается позади — «за шеломянемъ», т. е. за холмом. И летопись, действительно, упоминает это «шеломья», за которое русские войска неоднократно ходили в степь в XII веке. Но в «Задонщине» это «шеломья» не понятно, и автор «Задонщины» переделал это место так, что Русская земля остается «за царем Соломоном». Смысла в этом последнем выражении нет никакого.

То обстоятельство, что «Задонщина» зависит от «Слова», а не наоборот, может быть доказано различными путями, и это целиком опровергает искусственную гипотезу А. Мазона.

Гипотеза А. Мазона не получила поддержки у подавляющего большинства ученых Западной Европы и Америки. Напротив, многочисленные исследования «Слова» как памятника XII в. появляются в самых различных странах: в Англии, Швейцарии, Германии, Италии, Америке, Голландии, Югославии и в государствах народной демократии — в Болгарии, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии. Исключительное внимание уделяется «Слову» в Советском Союзе. «Слово» переведено почти на все языки народов СССР, здесь оно получает отражение в поэзии, живописи, музыке, в прикладном искусстве. Библиография советских работ по «Слову» только за последние 20 лет насчитывает около 400 названий.

Это и понятно: проникнутое сильным и неподдельным патриотическим чувством, «Слово о полку Игореве» встречает отклик в каждом человеке, любящем свою родину, к какой бы национальности он ни принадлежал.

Д. Лихачев.

